

ЗАМЕТКИ О ДМИТРИИ СЕРГЕЕВИЧЕ ЛИХАЧЕВЕ

В начале 1961 г. я выступил с докладом о Яне Белобоцком в Секторе древнерусской литературы Пушкинского Дома. Не могу не отметить, что Д. С. Лихачев (по просьбе И. З. Сермана и рекомендации В. И. Малышева) поставил мой доклад, не читая его (как не читали его и В. И. Малышев и И. З. Серман): для меня это был акт большого доверия, до тех пор я только иногда бывал на заседаниях в Секторе. Доклад прошел успешно, и Дмитрий Сергеевич предложил мне подготовить статью для «Трудов» Отдела древнерусской литературы (в связи с административными неурядицами, направленными против Д. С. Лихачева, в Пушкинском Доме Отдел был преобразован в Сектор, но работы его издавались по-прежнему как «Труды», в чем проявилось завидное упорство его заведующего; десятилетия спустя Сектор был вновь преобразован в Отдел).

Не могу не отметить, что в отличие от многих моих коллег из Москвы и Ленинграда я никогда не находился в дружеских отношениях с Д. С. Лихачевым. Я не бывал у него дома. Мы встречались только на заседаниях Отдела, в Древлехранилище, во время Ученых советов и конференций. Мне никогда не приходилось говорить с ним о моих домашних делах, а позднее о моем предполагаемом отъезде по семейным обстоятельствам на «постоянное место жительства» в США.

Когда журналист и писатель Сергей Львович Львов по поручению «Литературной газеты» писал статью о Д. С. Лихачеве, я было посоветовал ему рассказать, как Отдел древнерусской литературы стал центром притяжения культурных сил Ленинграда и страны, но он не решился, опасаясь «начальственной» реакции, и без того с опаской и подозрением приглядывавшейся к деятельности академика. К тому были основания, особенно после выступления Дмитрия Сергеевича в ленинградской газете по поводу «переустройства» Царского Села.

Сотрудники Сектора решили сообщить в стенгазете о его награждении болгарским орденом, но подготовленный ими материал странным образом исчез без ведома редакции. Как писал в своей поэме Ян-Андрей Белобоцкий о нравах, творящихся «во Аде»: *«Всяк соседу творит пакость»*. Были дела и посерьезнее. Загримированный негодяй ударил Д. С. Лихачева на лестнице (и сломал ему ребра, но не тронул бумажника) в тот момент, когда он отправлялся на заседание, посвященное 150-летию издания «Слова о Полку Игореве». О нападении было сообщено в милицию, однако никаких откликов не последовало. Одна из сотрудниц Сектора сказала об этом своей знакомой: муж ее был каким-то влиятельным милицейским начальником, он удивился и пообещал разобраться, но когда жена спросила его через несколько дней о результатах, он ответил: «Не лезь не в свое дело». Известна и попытка поджога квартиры академика.

Общественная деятельность Д. С. Лихачева вызвала странную реакцию в юбилейной статье Д. М. Буланина, которая была опубликована к 90-летию академика в журнале «Русская литература» в 1997 г. Признаюсь, что когда я первый раз прочитал эту статью, я отнесся к ней без восторга, но принял ее довольно спокойно: вот, дескать, есть и такое мнение.

Но позднее, когда я сделал копию статьи и возражений самого юбиляра и Б. Ф. Егорова, она мне не показалась столь уж безобидной. Не говоря о разоблачительном пафосе статьи Д. М. Буланина, явно не подходящем для самого события, автор свел дея-

тельность Д. С. Лихачева (особенно в последние годы жизни) к «проповеди». Автор «юбилейной статьи» забыл о прежних академических заслугах юбиляра. Даже если бы это было правдой, вряд ли было уместно напоминать 90-летнему ученому, что он в последние годы был заинтересован работой, связанной с развитием культуры: исследователь давно уже перешагнул тот возраст, который дается человеку для издания его научных трудов.

Именно против этого был направлен по существу ответ академика: смысл его работы относился прежде всего не к словам, а к поступкам. Его забота о сохранении памятников культуры, об издании при его активном участии важнейших произведений литературы, которые без его поддержки вряд ли было бы возможно опубликовать, об архивных и библиотечных хранилищах, наконец, о развитии Отдела древнерусской литературы в Пушкинском Доме (без чего и сам Д. М. Буланин не получил бы возможность заниматься в аспирантуре, а затем защитить докторскую диссертацию) — все это требовало прежде всего дел, без которых и вера бывает мертва.

Сперва письмо академика показалось мне слишком резким. Я бы предпочел, чтобы за него вступился кто-нибудь другой. Но вскоре я узнал, что попытка Бориса Федоровича Егорова опубликовать свой ответ в журнале «Русская литература» была отклонена редакцией и он вынужден был напечатать ее в другом месте¹.

В начале 1970-х гг. мне пришлось выступить с отзывом о новой книге Д. С. Лихачева². Было такое странное обыкновение в советских издательствах, в том числе и в «Науке»: всякая работа должна была получать рекомендацию *со стороны*, и кандидат наук оказывался рецензентом академика, как будто без моего одобрения книга не могла выйти в свет. Отметив несомненные достоинства нового сочинения, я оспорил его идею о русском «пред-возрождении»: много лет спустя это послужило оправданием для моего выступления с полемическим докладом на Лихачевских чтениях 2006 г.

В 1983 г., во время защиты докторской диссертации Дмитрием Михайловичем Буланиным я выступил в качестве неофициального оппонента. В частности, я противопоставил работу диссертанта, сделанную очень серьезно и основательно, тем сочинениям, которые в свое время вызывали гневную отповедь А. С. Пушкина, в частности, в его похвальном отзыве о книге «Словарь о святых»: «В наше время главный недостаток, отзывающийся во всех почти ученых произведениях, есть отсутствие труда»³. Присутствующий на заседании А. М. Панченко заметил вполголоса, что по крайней мере половине членов Ученого Совета Пушкинского Дома это высказывание поэта не было известно. Когда после успешной защиты друзья и коллеги диссертанта собрались в помещении Сектора древнерусской литературы, Дмитрий Сергеевич Лихачев предложил избрать меня «почетным членом Отдела древнерусской литературы». Это полушутейное звание закрепило мое многолетнее дружеское сотрудничество, продолжающееся до сих пор.

В 1991 г. была организована Российская академия естественных наук. Она должна была противостоять Академии Наук СССР как слишком официальному учреждению. В этой академии не платили жалования, напротив, академики и члены-корреспонденты должны были вносить членские взносы. Туда были избраны все русские лауреаты Но-

---

¹ Буланин Д. М. Эпилог к истории русской интеллигенции: Три юбилея. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 18-49.

² Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X-XVII вв.: Эпохи и стили. Л.: Наука, 1973.

³ Пушкин А. С. Словарь о святых // Полн. собр. соч. в 10 т. М.: Наука, 1964. 3-е изд. Т. 7. С. 473.

белевской премии, проживающие за рубежом, от Ильи Пригожина и Александра Солженицына до Иосифа Бродского. Предполагалось, что она не будет избирать в качестве почетных членов лиц, занимающих государственные посты (это похвальное намерение впоследствии было забыто).

Один из членов академии сообщил мне, что Д. С. Лихачев рекомендовал избрать меня. Как я выяснил, для этого не надо было предпринимать никаких особых шагов: я должен был представить необходимые документы, сообщить о моих научных работах; главное, не требовалось никакого одобрения начальства (в таком случае я бы просто отказался от этой чести). 18 мая 1992 г. я был избран членом-корреспондентом Академии естественных наук Российской Федерации по специальности «Российская энциклопедия» (это был приют для гуманитарных членов Академии естественных наук).

После приезда в Бостон я продолжал получать к каждому Новому году поздравления с изображениями Пушкинского Дома, подписанные многими сотрудниками Отдела (до 1998 г. и Д. С. Лихачевым); переписывался с теми из них, с кем у меня сохранились дружеские связи. Пступив в Русский центр при Гарвардском университете, я продолжал публиковать материалы, связанные с жизнью и творчеством Яна-Андрея Белобочко, посылал в Россию доклады и сообщения для Малышевских чтений и для «Трудов» Отдела древнерусской литературы. К 90-летию Дмитрия Сергеевича я опубликовал в газете «Бостонский Курьер» приветственное поздравление. Я не стал там перечислять ученые заслуги юбиляра. Мне хотелось обратить внимание на деятельность Д. С. Лихачева, направленную на защиту культуры, «русской культуры прежде всего, и вместе с тем русской культуры как неотъемлемой части мирового культурного движения». Я писал далее: «Вы защищали культуру не только выступая против дикого уничтожения архитектурных ансамблей и памятников, упорно добиваясь действенной охраны книжных и рукописных сокровищ российских библиотек. Вы отстаивали достоинство науки против воинствующего невежества, честь русской культуры против узколобого национализма, враждебного собственной национальной культуре. Вы защищали людей, подвергавшихся гонениям: я помню Ваше мужественное выступление в поддержку Бориса Александровича Романова во время его юбилея в недоброй памяти 1949 году»⁴. Номер газеты я послал в Пушкинский Дом, надеюсь, он дошел до адресата и не потерялся в неисчислимом потоке других приветствий.

Д. С. Лихачев вспомнил обо мне в 1994 г. Тогда в США приехал профессор Борис Федорович Егоров, редактор серии «Литературные памятники»; мы были знакомы с ним, иногда дарили друг другу свои новые публикации. Он выступал в Бостонском Колледже с докладом о переписке с Юрием Михайловичем Лотманом (впоследствии эта корреспонденция была издана). После доклада он подошел ко мне и спросил, не может ли он как-то помочь мне. Оказалось, что перед отъездом из Петербурга он позвонил Д. С. Лихачеву, чтобы узнать, нет ли у него каких-нибудь поручений в США. Тот ответил, что нет, но вот сейчас в Америке находится Александр Хаимович Горфункель, и если можете, посодействуйте ему. От помощи я отказался — как раз в это время я представлял документы для поступления в Русский центр при Гарвардском университете (мне посоветовала сделать это М. Гланц, сама работавшая там; оказалось, что мои работы знает профессор исторического факультета в Гарварде Э. Кинан).

Таков был прощальный дружеский привет от Дмитрия Сергеевича, он не мог не порадовать...

---

⁴ Горфункель А. Х. Академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву // Бостонский курьер. 1996. № 75. 1-25 ноября.

Когда Д. С. Лихачев опубликовал свою переписку, связанную с обсуждением известной работы А. А. Зими́на о «Слове о полку Игореве», в Русском центре при Гарвардском университете проф. Э. Киннан предложил обсудить ее и доказывал, что академик вел себя недостойно. Имелось в виду не только твердое убеждение Д. С. Лихачева в подлинности памятника, но и приспособление академика к официальной точке зрения. Мне пришлось выступить на этом обсуждении. Я попытался объяснить присутствующим, что сам факт опубликования этих писем показывает, что Д. С. Лихачев старался добиться обнародования работ А. А. Зими́на. Разумеется, некоторые из писем, обращенные к «начальству», должны были учитывать характер аргументации, но, на мой взгляд, не бросили тень на репутацию ученого. Э. Киннан не мог со мной согласиться (сам он в это время готовил большую работу, которая, как он полагал, должна была окончательно решить вопрос об авторстве «Слова» в пользу чешского ученого рубежа 18-19 вв. Йозефа Добровского).

Уже в Бостоне судьба свела меня, во время одного из эмигрантских застолий, с инженером, который случайно оказался в одном ряду в самолете с Д. С. Лихачевым. Речь зашла у них о евреях. Дмитрий Сергеевич обратил внимание на некоторое важное обстоятельство (мне казалось, что он имел в виду таких своих коллег, как Я. С. Лурье и И. Г. Левина, чьи выступления на заседаниях Отдела древнерусской литературы часто бывали причиной ожесточенных споров): ему представлялось, что им было свойственно подвергать сомнению многие устоявшиеся системы и понятия.

Случайный сосед Д. С. Лихачева, весьма далекий от гуманитарных занятий, счел необходимым обратить его внимание на многовековую (тысячелетнюю) традицию еврейского образования, опиравшегося на изучение Торы с ее многозначительными толкованиями, с неизбежными обсуждениями и спорами. Кажется, он, во всяком случае, если не переубедил, то поставил перед своим собеседником достаточно серьезные вопросы. Эти сведения мне казалось полезным учесть в моих воспоминаниях о Д. С. Лихачеве.